

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.118-126

О. А. Малышева*

Законность и обоснованность наложения ареста на имущество при расследовании уголовного дела

Аннотация. Значение меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество возрастает на фоне высокого размера ущерба, причиненного преступлениями, — около 550 млрд руб. ежегодно. Данная мера процессуального принуждения обладает высоким обеспечительным потенциалом в целях не только удовлетворения требований по гражданским искам, но и взыскания штрафа, иных претензий имущественного характера, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УПК РФ. Следователи (дознаватели) ежегодно около 40 тыс. раз инициируют наложение ареста на имущество. В 90 % случаев — успешно. Применение указанной меры сопровождается ограничением права собственности как физического, так и юридического лица, в том числе не признанного гражданским ответчиком по уголовному делу, в первом случае — и обвиняемым (подозреваемым).

Наложение ареста на имущество в уголовно-процессуальной практике сопровождается необходимостью преодоления следователем рядом сложностей, которые обусловлены, во-первых, межотраслевым характером регулирования данного правового института; во-вторых, наличием пробелов в регулировании отношений, возникающих в связи с наложением указанного ареста; в-третьих, рассогласованностью целей доказывания по установлению характера и размера причиненного преступлением вреда и осуществления обеспечительной деятельности по уголовному делу. Указанное порождает многочисленные нарушения законности и обоснованности при наложении ареста на имущество со стороны не только следователя, но и суда, несмотря на выражение по этому вопросу ряда позиций ЕСПЧ, несмотря на разъяснения Конституционного Суда и Верховного Суда РФ.

Автор резюмирует, что без освобождения следователя как субъекта доказывания по уголовному делу от выполнения несвойственной ему функции — обеспечения возмещения имущественных взысканий по уголовному делу — достичь в полной мере законности и обоснованности наложения ареста на имущество представляется невозможным.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество; досудебное производство; ЕСПЧ; защита права собственности; уголовное дело; юридическое лицо; следователь.

Для цитирования: Малышева О. А. Законность и обоснованность наложения ареста на имущество при расследовании уголовного дела // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 6. — С. 118–126. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.118-126.

Legality and Validity of Property Seizure in the Investigation of a Criminal Case

Olga A. Malysheva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
moa_0510@mail.ru

Abstract. The importance of the measure of procedural coercion in the form of seizure of property increases against the background of the high amount of damage caused by crimes, namely about 550 billion rubles

© Малышева О. А., 2021

* *Малышева Ольга Анатольевна*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
moa_0510@mail.ru

annually. This measure of procedural coercion has a high security potential in order not only to satisfy claims in civil lawsuits, but also to recover a fine and other property claims provided for in Part 1 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Investigators (interrogators) annually initiate the seizure of property about 40 thousand times. 90% of cases are a success. The application of this measure is accompanied by the restriction of the property rights of both natural and legal persons, including those who are not recognized as a civil defendant in a criminal case, in the first case, and the accused (suspect).

The seizure of property in criminal procedure practice is accompanied by the need for the investigator to overcome a number of difficulties, which are caused, firstly, by the intersectoral nature of the regulation of this legal institution; secondly, by the presence of gaps in the regulation of relations arising in connection with the imposition of this arrest; thirdly, by the inconsistency of the objectives of proof to establish the nature and amount of damage caused by a crime and the implementation of security activities in a criminal case. This gives rise to numerous violations of the legality and validity of the seizure of property on the part of not only the investigator, but also the court, despite the expression of a number of positions of the ECHR on this issue, despite the explanations of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation.

The author concludes that without the release of the investigator as a subject of proof in a criminal case from performing an unusual function — providing compensation for property penalties in a criminal case — it is impossible to achieve the full legality and validity of the seizure of property.

Keywords: seizure of property; pre-trial proceedings; ECHR; protection of property rights; criminal case; legal entity; investigator.

Cite as: Malysheva OA. Zakonnost i obosnovannost nalozheniya aresta na imushchestvo pri rassledovanii ugovnogo dela [Legality and Validity of Property Seizure in the Investigation of a Criminal Case]. *Lex russica*. 2021;74(6):118-126. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.118-126. (In Russ., abstract in Eng.).

Значение такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество, возрастает на фоне ежегодно высокого размера ущерба, причиненного преступлениями. В 2016 г. он составил 562,6 млрд руб., в 2017 г. — 408,5 млрд руб., в 2018 г. — 563,1 млрд руб., в 2019 г. — 627,7 млрд руб., в 2020 г. — 512,8 млрд руб.¹ Данная мера процессуального принуждения обладает высоким обеспечительным потенциалом не только в целях удовлетворения требований по гражданским искам, но и в целях взыскания штрафа,

иных претензий имущественного характера, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УПК РФ. Верность указанного подтверждается анализом уголовно-процессуальной практики, свидетельствующим о том, что в течение 2015–2019 гг. властные субъекты досудебного производства достаточно часто обращались в суд с ходатайствами о наложении ареста на имущество (35–45 тыс.), которые в большинстве случаев удовлетворялись судами: в 2015 г. — 87,1 %, в 2016 г. — 88,1 %, в 2017 г. — 87,4 %, в 2018 г. — 86,7 %, в 2019 г. — 86,3 % (см. гист. 1).

Гистограмма 1. Динамика избрания меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в досудебном производстве по уголовным делам²

¹ Состояние преступности в России. 2015–2019 гг. М. : ГИАЦ МВД России, 2021.

² Данные гистограммы заимствованы с сайта sder.ru: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015–2019 гг. Форма 1. Раздел 4.

Соотнесение приведенных показателей с количеством установленных лиц, совершивших преступления и потенциально могущих нести ограничения финансового характера, предусмотренные рассматриваемой мерой процессуального принуждения, позволяет заключить, что в 2015 г. — в отношении каждого десятого, а в 2016–2019 гг. — в отношении каждого восьмого подсудимого избиралась мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество (см. гист. 2).

ми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, при условии, что есть достаточные основания полагать, что это имущество получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремиз-

Гистограмма 2. Динамика наложения ареста на имущество в досудебном производстве по уголовным делам (с учетом количества выявленных лиц, совершивших преступления)³

Согласно ст. 115 УПК РФ арест может быть наложен:

- на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия (ч. 1 ст. 115 УПК РФ). При этом законодатель конкретизирует цели наложения такого ареста:
 - обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска;
 - обеспечение взыскания штрафа, других имущественных взысканий;
 - обеспечение возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ;
- на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми

ма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) (ч. 3 ст. 115 УПК РФ).

В последнем случае законодатель не устанавливает цели наложения ареста на имущество указанной категории лиц, что влечет необоснованное расширение усмотрения следователя в определении необходимости инициировать перед судом наложение ареста на имущество. О существовании данной проблемы свидетельствует обзор позиций других авторов⁴. На необходимость проведения анализа и подготовки предложений по совершенствованию порядка применения меры процессуального принуж-

³ Данные гистограммы отражались с учетом следующих факторов: уточнялось общее число ежегодно устанавливаемых органами внутренних дел лиц, совершивших преступления. Из этого количества исключались такие категории лиц, как учащиеся (студенты), не имеющие постоянного источника дохода, безработные. См.: Состояние преступности в России. 2015–2019 гг.

⁴ Аристархов И. Л. О применении положений УПК РФ в контексте наложения ареста на имущество других лиц // Российская юстиция. 2019. № 10 ; Зяблина М. В., Великая Е. В. Изъятие имущества, не при-

дения в виде наложения ареста на имущество ранее обращал внимание Б. Б. Булатов⁵. На наличие в настоящее время проблемы при наложении ареста на имущество в виде ценных бумаг указывает и Н. С. Каштанова. Она справедливо отмечает, что отсутствие единого подхода в рассматриваемой процессуальной практике препятствует всестороннему, полному и объективному расследованию обстоятельств уголовного дела⁶.

Несмотря на то что практика наложения ареста на имущество других лиц, указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, не является преобладающей в досудебном производстве, она часто демонстрирует факты необоснованного принятия не только подобного процессуального решения следователем, но и решения ходатайствовать перед судом о продлении срока указанного ареста.

Для уточнения пределов полномочий следователя при наложении ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, возникает необходимость обращения к правовым позициям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, позволяющим в определенной степени преодолеть пробел правового регулирования складывающихся в данной связи отношений и определяющим вектор формирования уголовно-процессуальной практики.

Согласно п. 2.2 постановления Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П при расследовании уголовного дела допускается наложение ареста на имущество не только в публично-правовых целях, но и в целях защиты субъективных гражданских прав лиц, потерпевших от преступления. В этом же постановлении (п. 3) Конституционный Суд РФ конкретизировал объект наложения ареста на имущество — только на имущество подозреваемых, обвиняемых или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия.

Позже Конституционный Суд РФ своими разъяснениями фактически расширил возможности наложения ареста на имущество, одно-

временно уточнив процессуальный статус других лиц, указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ:

- 1) при расследовании уголовного дела допускается наложение ареста на имущество в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 115 УПК РФ, если гражданский иск не заявлен⁷;
- 2) иные лица (не являющиеся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия) не подлежат привлечению в качестве гражданских ответчиков по уголовному делу;
- 3) на указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ лиц, в чьем законном владении (собственности) находится имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, имущественная ответственность не возлагается — в противном случае применению подлежит ч. 1 ст. 115 УПК РФ (п. 3 постановления от 21.10.2014 № 25-П).

Анализ уголовно-процессуальной практики свидетельствует, что следователи нередко ошибочно толкуют установленные фактические обстоятельства по уголовному делу во взаимосвязи с представленными правовыми позициями Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, что позволяет им также ошибочно признавать юридическое лицо гражданским ответчиком по уголовному делу о преступлении экономической направленности, фигурантом по которому выступает соучредитель (совладелец) данного юридического лица. С точки зрения действующего правового регулирования основания, условий, порядка применения мер процессуального принуждения недопустимо наложение ареста, например, на акции юридического лица, выступающего в уголовном деле как иное лицо (не является подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия), в целях погашения требований по гражданскому иску. Принятие следователем незаконных и необоснованных процессуальных решений в рассматриваемых случаях обусловлено тем, что следователям нередко не хватает

надлежащего на праве собственности лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование // Законность. 2021. № 1 ; Никифорова Е. Ю., Меженина Е. В. О сроках и пределах наложения ареста на имущество при производстве по уголовному делу // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17 (2). С. 237–242.

⁵ Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2002. С. 221.

⁶ Каштанова Н. С. К вопросу о допустимости ограничения неимущественных прав владельцев ценных бумаг при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: теория, законодательство, практика // Российский следователь. 2017. № 5. С. 26–30.

знаний из смежных отраслей права (гражданского, финансового, земельного, жилищного и т.д.), закрепляющих порядок владения ценными бумагами, пользования и распоряжения имущественными правами, достаточно часто выступающими предметом ареста, о наложении которого следователь ходатайствует перед судом. На данный факт обращал внимание и А. Е. Сумин⁸. Между тем оптимизация правовых отношений при наложении ареста на имущество, как верно отмечают Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев, обусловлена необходимостью оценки следователем межотраслевых связей, возникающих в ходе обеспечительной деятельности следователя, предусматривающей одновременно соблюдение права собственности, гарантированного Конституцией РФ (ст. 35, 36)⁹.

В ходе расследования уголовных дел, особенно экономической направленности, следователь нередко ходатайствует перед судом о наложении ареста на имущество другого лица и о продлении срока указанного ареста, в том числе в целях конфискации имущества как используемого или предназначенного для финансирования преступного сообщества (п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), а также как средства совершения преступления (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Между тем и Европейский Суд по правам человека (постановление «Боржонов против Российской Федерации» от 22.01.2009), и Конституционный Суд РФ (постановления от 31.01.2011 № 1-П, от 10.12.2014 № 31-П) акцентировали внимание органов предварительного следствия на необходимости доказать в судебном заседании наличие обстоятельств в уголовном деле, которые выступают в качестве условий наложения ареста на имущество в целях конфискации. В частности, наличие одного из обстоятельств:

- 1) имущество такого лица использовалось для финансирования преступного сообщества, терроризма и др.;
- 2) имущество другого лица выступало средством совершения преступления.

Между тем анализ отечественной судебной практики свидетельствует, что следователи не уделяют должного внимания доказыванию условий наложения ареста на имущество, не только принадлежащее иному лицу, но и находящееся в законном владении подозреваемого, обвиняемого. Так, в апелляционной жалобе по делу № 10-186435/2020 защитник Х1 выразил несогласие с постановлением Пресненского районного суда, удовлетворившим ходатайство следователя о наложении ареста на имущество его подзащитного — обвиняемого Х2, указав, что оно является незаконным, необоснованным, и просил его отменить. Защитник отметил, что, вопреки выводам суда первой инстанции, сведений о том, что в результате преступной деятельности Х2 было приобретено имущество, не имеется. В связи с этим он полагает ссылку Пресненского районного суда на ч. 1 ст. 104.1 УК РФ несостоятельной. Защитник Х1 также обратил внимание, что основной иск по уголовному делу заявлен потерпевшей Х3, которая свои имущественные требования обосновывала хищением у ее супруга Х4 денег. Однако обвинение в совершении данного преступления его подзащитному Х2 не предъявлялось. Учитывая изложенное, защитник Х1 считает, что обжалуемое решение не отвечает требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Между тем Московский городской суд постановлением Пресненского районного суда о наложении ареста на имущество обвиняемого Х2 по уголовному делу № 442519 оставил без изменения, апелляционную жалобу — без удовлетворения¹⁰.

В силу п. 2.1 ч. 1 ст. 81 и п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, признаются вещественными доказательствами и подлежат аресту в порядке, установленном ст. 115 УПК РФ. Суд, разрешая ходатайство о наложении ареста на имущество иных лиц, правовое положение которых определено в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, обязан руковод-

⁷ Аналогичную позицию высказывает и Верховный Суд РФ (м.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 г.). Пункт 1.1 ч. II).

⁸ Сумин А. Е. Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях на рынке ценных бумаг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 21.

⁹ Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Межотраслевые особенности правового регулирования наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 34. С. 53.

¹⁰ Апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-186435/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2021).

ствоваться правовой позицией Конституционного Суда РФ по этому вопросу (постановления от 20.05.1997 № 8-П, от 11.03.1998 № 8-П, от 16.07.2008 № 9-П и определение от 14.05.2015 № 1127-О): подлежит применению надлежащий правовой механизм, позволяющий эффективно защищать интересы лиц, право собственности которых ограничивается в связи с изъятием принадлежащего им имущества в качестве вещественного доказательства по уголовным делам в последующем для возможной конфискации. На необходимость соблюдения одного из неотъемлемых прав личности — права собственности — Конституционный Суд указал в ином решении, определив, что вмешательство государства в отношении собственности не должно быть произвольным и не должно нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности (абз. 2 п. 4 определения от 16.12.2008 № 1036-О-П.).

Особое внимание Конституционный Суд РФ уделил требованиям к процессуальным решениям следователя (дознавателя), которыми те или иные предметы признаются вещественными доказательствами, определяются порядок их изъятия и удержания в режиме хранения. Такие решения должны быть мотивированными, отражающими особенности уголовного дела, включая правовое и фактическое положение предметов, признанных вещественными доказательствами (п. 3 постановления от 11.01.2018 № 1-П.). С учетом изложенного следователь, ходатайствуя о наложении ареста на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, и признанное вещественным доказательством по уголовному делу, в силу действия принципа презумпции невиновности (ч. 2 ст. 14 УПК РФ) обязан в судебном заседании доказать, что:

- 1) имущество получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо ими использовалось;
- 2) имущество предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления;
- 3) имущество предназначалось для финансирования преступного сообщества (преступной организации) (п. 4 постановления от 11.01.2018 № 1-П.).

Дополнительно Конституционный Суд РФ уточняет, что «одной только ссылки на то, что данный предмет обладает свойствами вещественного доказательства, недостаточно для обоснования необходимости его изъятия» (п. 5 постановления от 11.01.2018 № 1-П.).

Однако следует признать, что обозначенной правовой позицией не всегда руководствуются не только следователи, но и суды. Так, 29 апреля 2018 г. СО по г. Хабаровску СУ СК РФ по Хабаровскому краю возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ. В ходе предварительного следствия установлено, что лица, действуя в составе организованной преступной группы, согласно отведенным ролям, умышленно, незаконно, с целью проведения азартных игр и извлечения дохода от этой деятельности на территории г. Хабаровска осуществляли проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны в нежилых помещениях. К. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ.

Постановлением Центрального районного суда г. Хабаровска от 15.05.2018 удовлетворено ходатайство следователя о наложении ареста на имущество, а именно на расчетные счета, в виде запрета на расходные операции по расчетным счетам К., открытым в ПАО Банке ВТБ филиале г. Хабаровска. Одним из оснований отмены данного судебного решения судом апелляционной инстанции явилось неуказание следователем (и, соответственно, недоказанность. — *Уточнение О. М.*), какое имущество добыто преступным путем.

Другой пример. 25 октября 2017 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 286 УК РФ, в отношении главы администрации сельского поселения Хабаровского района Хабаровского края Н. по факту неправомерной передачи квартиры, находящейся в муниципальной собственности администрации сельского поселения, заместителю главы поселения П. Отсутствие доказательств, дающих основание полагать, что имущество, на которое следует наложить арест, получено в результате преступных действий подозреваемого по делу, повлекло отмену судебного решения и принятие судом апелляционной инстанции нового решения об отказе в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на квартиру¹¹.

¹¹ Интернет-портал «ГАС Правосудие» (дата обращения: 13.03.2021).

Ходатайствуя перед судом о наложении ареста на имущество юридического лица, следователю необходимо принять во внимание то обстоятельство, что по общему правилу дочерние компании не являются самостоятельными видами фирм. Их работу строят по модели головной организации в силу ст. 105, 106 ГК РФ. Согласно положениям корпоративного права диверсифицированный холдинг представляет собой объединение предприятий, напрямую не связанных ни торговыми, ни производственными отношениями. Кроме того, Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (п. 3 ст. 6) допускается в качестве основания возникновения холдинговых отношений заключение договора между головной компанией и участником холдинга. Сходная позиция законодателя усматривается при анализе Временного положения о холдинговых компаниях, утвержденного Указом Президента РФ от 16.11.1992 № 1392 (ред. 30.06.2012). Это означает, что наложение ареста на акции юридического лица, входящего в диверсифицированный холдинг, не препятствует дальнейшему распоряжению акциями, принадлежащими такому холдингу. Игнорирование указанного следователем способно существенно снизить результативность его обеспечительной деятельности по уголовному делу.

В дополнение к изложенному отметим, что в судебных заседаниях по вопросу наложения ареста на имущество юридических лиц часто не исследуются принадлежность акций юридического лица как лично обвиняемым, так и холдинговой группе компаний, в состав которого входит указанное лицо, а также тот факт, что обвиняемые имеют непосредственное отношение к руководству деятельностью юридического лица, что требуется исходя из предписаний ч. 2 ст. 14 УПК РФ. Принятие при таких обстоятельствах судом решения о наложении ареста на имущество, чаще выступающего в виде акций, юридического лица свидетельствует о превалировании обвинительного уклона в процессуальной деятельности суда, поскольку демонстрируется действие презумпции виновности владельца указанных акций.

Отмеченное позволяет констатировать, что в силу нарушения положений ч. 4 ст. 7 УПК РФ (постановления судьи, следователя должны быть обоснованными, мотивированными), а также несоблюдения требований ч. 3 ст. 14 УПК РФ рассматриваемое промежуточное решение о наложении ареста на имущество

(акции) подлежит отмене в соответствии с п. 1 ст. 389.15, п. 1 ст. 389.16 УПК РФ.

Другой проблемой анализируемой уголовно-процессуальной практики выступает то обстоятельство, что в постановлениях суда о продлении срока ареста имущества не обосновывается, не мотивируется необходимость наложения ареста на имущество юридического лица в целях обеспечения сохранности вещественных доказательств. В судебных решениях часто только констатируется факт, что «основания, послужившие для применения данной меры процессуального принуждения, имеющиеся на момент ее избрания судом, не отпали», и указывается прежняя цель — обеспечение сохранности имущества. Обоснованность наложения ареста на имущество в таких случаях не обеспечивается не только следователем, но и судом, позволяющим себе «слепо» следовать позиции следователя в вопросе наложения ареста на имущество юридического лица.

Ввиду отсутствия оптимального правового регулирования порядка использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности для обеспечения обоснованности избрания меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество следователю, суду необходимо руководствоваться правовой позицией Европейского Суда по правам человека (постановление ЕСПЧ «Лагутин и другие против России» от 24.04.2014), Конституционного Суда РФ (определения от 25.11.2012 № 167-О-О, от 20.11.2014 № 2557-О, от 28.03.2017 № 596-О и др.) о порядке использования результатов оперативно-розыскной деятельности в рассматриваемых целях. В частности, суды уточняют, что сами по себе результаты оперативно-розыскной деятельности не могут выступать в качестве доказательств по уголовному делу. Согласно ст. 89 УПК РФ необходимо проверить не только соответствие этих результатов требованиям уголовно-процессуального закона, но и то, каким образом они приобщались к материалам уголовного дела: уполномоченным ли на это субъектом досудебного производства и в установленном ли законом порядке. Между тем анализ судебной практики показывает, что нередко в судебном заседании не исследуется вопрос о том, каким образом результаты оперативно-розыскной деятельности приобрели силу доказательств по уголовному делу (например, выносилось ли постановление следователя об

их осмотре и приобщении к материалам уголовного дела).

Раскрывая проблему нарушения законности и обоснованности наложения ареста на имущество при расследовании уголовного дела, необходимо также уточнить, что согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» по каждому поступившему ходатайству о производстве иного процессуального действия судье надлежит выяснять, подсудно ли оно данному суду. Для формирования однородной судебной практики по рассматриваемому вопросу практическое значение имеет уточнение Верховного Суда РФ о том, что продление срока наложения ареста на имущество осуществляется в порядке, предусмотренном ст. 115.1 УПК РФ (п. 14 указанного постановления).

В статье 115.1 УПК РФ подсудность разрешения анализируемого ходатайства устанавливается частью 3: такое ходатайство разрешается судом по месту производства предварительного расследования. По смыслу ч. 2 ст. 34 УПК РФ при установлении судом нарушения правила подсудности в случае, когда производство по материалам началось, он может продолжить рассматривать материалы только при одном условии — при наличии согласия лица, в отношении которого рассматривается ходатайство. При отсутствии указанного согласия иных правовых оснований для изменения подсудности УПК РФ не устанавливает.

Поэтому, руководствуясь правовой позицией Верховного Суда РФ, изложенной им в постановлении от 01.06.2017 № 19, обоснованно утверждать, что судья районного суда обязан отказать в принятии ходатайства, поступившего с нарушением указанных правил подсудности,

к рассмотрению (п. 4 указанного постановления). В противном случае следует констатировать, что процессуальное решение о наложении ареста на имущество, продлении срока его применения принято ненадлежащим субъектом уголовного судопроизводства в нарушение ч. 4 ст. 7 УПК РФ. В судебной практике такие факты не являются исключением.

Указанное свидетельствует не только о нарушении конституционного права лица на рассмотрение его правового спора тем судом, к подсудности которого он отнесен законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ), но и одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства — рассмотрение дела лица в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено уголовно-процессуальным законом (ч. 3 ст. 8 УПК РФ).

В заключение необходимо подчеркнуть, что наложение ареста на имущество в правоприменительной деятельности сопровождается необходимостью преодоления следователем ряда сложностей, которые обусловлены, во-первых, межотраслевым характером регулирования данного правового института; во-вторых, наличием пробелов в регулировании отношений, возникающих в связи с наложением указанного ареста; в-третьих, несогласованностью целей доказывания по установлению характера и размера причиненного преступлением вреда и осуществления обеспечительной деятельности по уголовному делу.

Без освобождения следователя как субъекта доказывания по уголовному делу от выполнения несвойственной для него функции — обеспечения возмещения имущественных взысканий по уголовному делу — достичь в полной мере законности и обоснованности наложения ареста на имущество представляется невозможным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аристархов И. Л. О применении положений УПК РФ в контексте наложения ареста на имущество других лиц // Российская юстиция. — 2019. — № 10. — С. 36–38.
2. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. — Омск, 2003. — 320 с.
3. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Межотраслевые особенности правового регулирования наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 34. — С. 53–61.
4. Зяблина М. В., Великая Е. В. Изъятие имущества, не принадлежащего на праве собственности лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование // Законность. — 2021. — № 1. — С. 48–51.

5. *Каштанова Н. С.* К вопросу о допустимости ограничения неимущественных прав владельцев ценных бумаг при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: теория, законодательство, практика // *Российский следователь*. — 2017. — № 5. — С. 26–30.
6. *Никифорова Е. Ю., Меженина Е. В.* О сроках и пределах наложения ареста на имущество при производстве по уголовному делу // *Сибирское юридическое обозрение*. — 2020. — Т. 17 (2). — С. 237–242.
7. *Сумин А. Е.* Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях на рынке ценных бумаг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2011. — 22 с.

Материал поступил в редакцию 26 марта 2021 г.

REFERENCES

1. *Aristarkhov IL.* O primeneniі polozheniy UPK RF v kontekste nalozheniya aresta na imushchestvo drugikh lits [On the application of the provisions of the Code of Criminal Procedure in the context of the seizure of the property of other persons]. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2019;10:36-38. (In Russ.).
2. *Bulatov BB.* Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugovnom sudoproizvodstve [State coercion in criminal proceedings]. Omsk; 2003. (In Russ.).
3. *Bulatov BB, Dezhnev AS.* Mezhotraslevye osobennosti pravovogo regulirovaniya nalozheniya aresta na imushchestvo v ugovnom sudoproizvodstve [Intersectoral features of the legal regulation of the seizure of property in criminal proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2019;34:53-61. (In Russ.).
4. *Zyablina MV, Velikaya EV.* Izyatie imushchestva, ne prinadlezhashchego na prave sobstvennosti litsam, v otnoshenii kotorykh osushchestvlyayetsya ugovnoe presledovanie [Seizure of property that does not belong to the right of ownership of persons against whom criminal prosecution is being carried out]. *Zakonnost*. 2021;1:48-51. (In Russ.).
5. *Kashtanova NS.* K voprosu o dopustimosti ogranicheniya neimushchestvennykh prav vladeltsev tsennyykh bumag pri nalozhenii aresta na imushchestvo v ugovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii: teoriya, zakonodatelstvo, praktika [On the question of the permissibility of restricting the non-property rights of securities owners when seizing property in criminal proceedings of the Russian Federation: theory, legislation, practice]. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2017;5:26-30. (In Russ.).
6. *Nikiforova EYu, Mezhenina EV.* O srokakh i predelakh nalozheniya aresta na imushchestvo pri proizvodstve po ugovnomu delu [About the Terms and Limits of Performing Arrest in the Property in the Criminal Proceedings]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie [Siberian Law Review]*. 2020;17(2):237-242. (In Russ.).
7. *Sumin AE.* Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnym delam o prestupleniyakh na rynke tsennyykh bumag : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Pre-trial proceedings in criminal cases on crimes on the securities market. Author's abstract of Cand. Sci. (Law) Thesis]. N. Novgorod; 2011. (In Russ.).